

Немного попал под дождь, есть риск простудиться, на всякий случай, — с абсолютно серьезным видом произнес Цзи Чаннин.

Ах, тогда тебе стоит лучше следить за здоровьем, в последнее время погода так сильно меняется.

Да.

Правда же заключалась в том, что он слишком спешил уйти из дома и совершенно позабыл о метках от поцелуев на шее, вспомнив о них лишь по дороге в компанию. Ничего не оставалось, как замотаться шарфом. Когда Цинь Сыли ушел и в кабинете остался только он один, Цзи Чаннин тут же сорвал шарф: от этой штуки казалось, будто горло сдавили и дышать было трудно, так что он невольно принялся ворчать на главного виновника. Шэнь Ичэнь что, сбежал из стаи собак? Того и гляди начнет мочиться, чтобы пометить территорию.

В это же время Шэнь Ичэнь тоже вернулся в компанию. Изначально сегодня у него был выходной, но сидеть одному дома, пока Цзи Чаннин отсутствует, ему было совсем неинтересно. Утром, когда Цзи Чаннин валялся в постели, он искренне хотел заставить его никуда не ехать. В конце концов, он прекрасно знал его замашки, и даже если бы компания и впрямь разорилась из-за выходок Цзи Чаннина, Шэнь Ичэнь ни капельки бы не расстроился.

Работа неизбежно тянет за собой светские выходы, а вдобавок нужно было отпраздновать его возвращение из-за границы, так что вечером в Шанцзине закатали банкет. Шэнь Ичэнь хотел, чтобы Цзи Чаннин приехал составить ему компанию, и сам позвонил, чтобы позвать его, но получил отказ.

— Ни за что, вы опять будете гулять допоздна, я сегодня и так толком не выспался, если еще и ночь просижу, то точно отброшу коньки от переутомления. К тому же разве ты сам не запрещал мне появляться в Шанцзине? — говорил Цзи Чаннин по телефону. Он все еще отлично помнил, как вчера Шэнь Ичэнь проверял, где он находится.

— Когда это я тебе запрещал? Просто не нужно ходить туда одному, там такой бардак, кого только не встретишь.

— Правда? По-моему, ты сам прекрасно проводишь время, я вот тоже хочу немного повеселиться. — Цзи Чаннин закатил глаза. — Почему бы тебе просто не привязать меня к своему ремню?

— Не капризничай. Ты правда не приедешь?

— Не поеду. — Опасаясь, что Шэнь Ичэнь сейчас же прикажет водителю забрать его, Цзи Чаннин смягчил голос: — Я буду ждать тебя дома, ладно? Мне не нравится бывать в таких местах.

Шэнь Ичэнь в конце концов отстал от него. Возвращаться ли домой, зависело от того, во сколько всё закончится: если завалиться туда посреди ночи, это станет настоящим издевательством. В Шанцзине для него имелся специальный номер люкс, можно было отдохнуть прямо там, тем более что хуже всего было бы разбудить крепко спящего Цзи Чаннина — тогда тот жутко разозлится.

Раз уж никто не докучал ему, Цзи Чаннин с удовольствием предавался праздности. Как только пробило пять, он сладко потянулся, закончил работу и отправился домой. Водитель уже поджидал у входа, неизменный в любую погоду и пунктуальный настолько, что беглецу-начальнику было до него далеко. И водитель, и домашний дворецкий, и слуги — всё было устроено Шэнь Ичэнем, который заботился о Цзи Чаннине с поистине исчерпывающей тщательностью.

По возвращении домой тётушка Ван как раз заканчивала готовить ужин. Пока он не спеша раскладывал вещи и переодевался, ужин уже был на столе. Жизнь его текла чертовски сладко, да к тому же и прислуживать Шэнь Ичэню не требовалось — просто благодать.

Вечером он поднялся на третий этаж, чтобы погрузиться в свое хобби: там располагалась его мастерская. Цзи Чаннин увлекался созданием коллекционных фигурок из смолы и страстно любил расписывать фигурки аниме-красавиц, хотя это диктовалось исключительно рынком — мужских фигурок выпускалось удручающе мало.

На самом деле он обладал неожиданным талантом к ручному труду. В детстве он был первым учеником в классе по оригами: каким бы сложным ни казался узор, стоило ему взглянуть на чертеж и схемы, как он с легкостью воплощал задуманное. Иногда во время ужина внезапно накатывало вдохновение, и он брал бумажную салфетку, чтобы сложить розу в подарок Шэнь Ичэню, отчего тот просто терялся от неожиданности. В общем и целом, это был талант, вызывающий восхищение, но совершенно бесполезный на практике, ведь жил он вовсе не этим. Быть любовником Шэнь Ичэня означало полный социальный пакет, а зарплата в разы превышала среднюю по рынку.

Однажды он случайно столкнулся с сообществом моделлистов и с головой ушел в это дело. Помимо прочего, он владел множеством ремесел и прекрасно умел делать сладости. До того как у него появилась работа, он долгое время маялся от безделья, поэтому записался сразу на несколько специализированных курсов, чтобы убить время: создание кондитерских кремовых узоров, кофейный латте-арт и тому подобное. Осваивал всё быстро и уверенно. Впрочем, теперь он почти не брался за это сам, ведь всегда находился кто-то, кто делал это за него.

Шэнь Ичэнь в шутку говорил, что с такими гибкими пальцами ему следовало идти в медицину и становиться хирургом. Цзи Чаннин действительно подумывал об этом, но учиться на врача нужно было долгие годы, а после сдачи выпускных экзаменов в его голове крутилось лишь одно: окончить университет и сразу пойти работать, чтобы обеспечивать себя самостоятельно. Кто же знал, что его будущее повернется так.

Однажды он показал Шэнь Ичэню свою гордость — фигурку со сложнейшим дизайном, огромным количеством деталей и потрясающим качеством росписи. Проблема была лишь в одном: этот персонаж относился к категории откровенных товаров для взрослых. Цзи Чаннин до сих пор помнил тот не поддающийся описанию сложный взгляд, которым Шэнь Ичэнь одарил его тогда, доведя его до белого каления. С тех пор дверь в мастерскую запиралась на замок.

— Это искусство! Искусство! Ты вообще понимаешь?!

Он считал себя ужасно обиженным: прототип-то лепил не он, он всего лишь наносил краску. В подобных работах мастер вкладывал в отливку всю свою любовь, что невероятно повышало вероятность получить качественную вещь, и он купил ее просто потому, что фигурка приглянулась.

Позже он стал выкладывать свои работы исключительно в сети, неизменно собирая восторженные отзывы: Крутой мастер просто бог детализации! Да, его никнейм в интернете звучал как Трехмерный крутой мужик, словно у какого-то озабоченного дядьки, что шло в абсолютный разрез с его реальной внешностью.

Время от времени он даже брал заказы в сети на покраску чужих заготовок. В среднем набегало по тысяче-две юаней в месяц, потому что из-за своей лени он набирал заказы аж на год вперед, и эти деньги не покрывали даже сотой доли расходов на новые модели.

Последней его работой стала старая фигурка, купленная на барахолке. Из-за ограничений тогдашних технологий необработанная деталь была сделана настолько грубо, что он уже целый месяц возился со шкуркой и полировкой. Сегодня всё шло по тому же сценарию: при зачистке стыка на волосах деталь с треском сломалась, едва не доведя его до иступления. Ломалось снова, и снова, и снова, хотя движения его были мягче некуда. Кое-как приклеив прядь на место, он оставил фигурку в стороне сохнуть естественным путем.

Устал, займусь в следующий раз.

Цзи Чаннин чувствовал себя совершенно истощенным морально и физически из-за этой модели, поэтому лег спать рано.

Многого Цзи Чаннин просто не знал. Шэнь Ичэнь вовсе не был таким распутным, как он себе воображал: с возрастом он завязал с замашками захватчика и насильника. Во-первых, угас прежний пыл, во-вторых, люди сами липли к нему, а в-третьих, всегда находились желающие услужить.

В Шанцзине Ван Цзе, заметив, что тот пришел без пары, сообразил, к чему клонится дело, и быстренько подозвал Сяо Соня.

Когда Сун Юй в белой рубашке и черных брюках робко произнес: Шэнь-цзун, — Шэнь Ичэнь вдруг вспомнил, как впервые встретил Цзи Чаннина: тот зеленый юнец точно так же во все глаза смотрел на него, не зная, куда деть руки и ноги.

В ту ночь Шэнь Ичэнь домой не вернулся.

<http://bllate.org/book/26537/3176809>